

Чокан Чингисович Валиханов

Знаменитый путешественник, выдающийся географ и этнограф Чокан Чингисович Валиханов был человеком яркой и своеобразной судьбы. Он навсегда вписал свое имя в историю географической науки, совершив тайное путешествие в Кашгарию, страну, о которой ничего не было известно в Европе.

В наше повествование Валиханов войдет уже взрослым, молодым человеком, двадцати двух лет от роду, офицером, адъютантом Западно-Сибирского генерал-губернатора Гасфорта.

Чокан Чингисович Валиханов, казах по национальности, родился в 1835 году. Происходил он из знатного степного рода: отец его, султан Чингис Валиев, доводился внуком хану Аблаю, а хан Аблай — личность приметная в истории Казахстана. Еще в 1740 году Аблай, в то время один из крупных султанов, принял добровольно русское подданство.

Впоследствии, став ханом Среднего жуза, он немало способствовал развитию экономических связей между

казахами и русскими.

Чингис Валиев, после того как Чокан проучился три года в мусульманской школе — медресе, в 1847 году отправил его в Омский кадетский корпус. Выросший в войлочной юрте, в бескрайных степях, ни слова не понимающий по-русски, Чокан Валиханов, тем не менее, быстро освоился на новом месте и вскоре был признан одним из способнейших учеников. Учителя сулили ему большую будущность, прочили в ученые..

Рано пробудилась в Чокане Валиханове страсть к путешествиям, интерес к истории и географии Средней Азии, но книги мало что могли рассказать ему — Средняя Азия оставалась «белым пятном» для европейской науки. Вместе с товарищем по корпусу, кадетом Григорием Потаниным, будущим крупным исследователем Сибири и Центральной Азии, составлял он еще в детские годы планы далеких путешествий,.,

В 1857 году, то есть к началу нашего повествования, Чокан Валиханов успевает совершить первые свои путешествия: он побывал в Джунгарии, посетил вместе с полковником Хоментовским район озера Иссык-Куль на Тянь-Шане (военная экспедиция Хоментовского занималась изучением приграничных районов и топографической съемкой) и прожил три месяца в китайском городе Кульдже.,.

Его близкими знакомыми стали политические ссыльные-петрашевцы — Дуров и писатель Достоевский. Быть может, именно им обязан Валиханов первыми своими раздумьями о социальной несправедливости...

И, конечно же, все это время он попрежнему много читал, пользуясь малейшей возможностью, пополняя свои знания...

Вот, собственно, и все, что следовало сказать во введении.

Теперь мы оставим Чокана Чингисовича Валиханова и

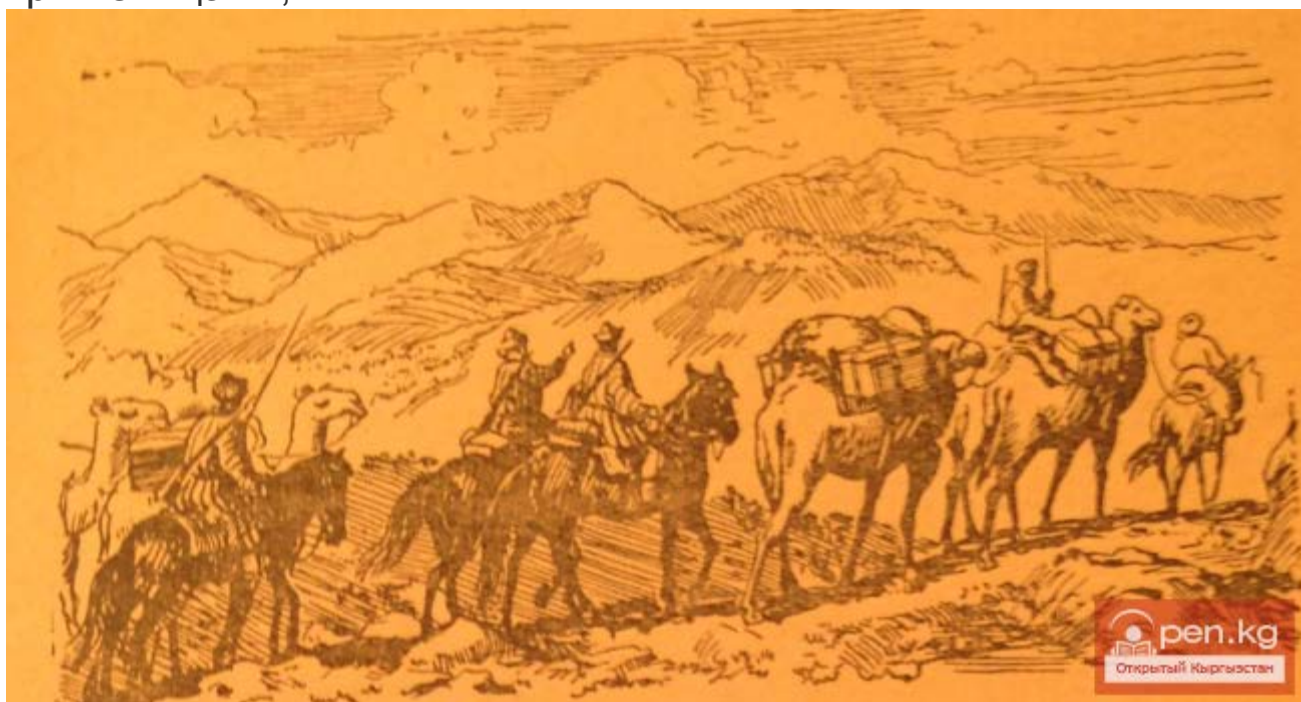
начнем рассказ с приключений ходжи Валихана-почти однофамильца Чокана Валиханова.

ХОДЖА ВАЛИХАН

Весной 1857 года из городских ворот Коканда — столицы Среднеазиатского ханства — тайно выехал один из потомков религиозные вождей Кашгара, ходжа Валихан - тюря. Ни жители Коканда, толпившиеся на узких улицах, ни стража у ворот не обратили на него внимания: город шумно праздновал день разговения, и отъезд нескольких человек прошел незамеченным. В другое время стражники, вероятно, донесли бы хану, а тот отправил бы следом погоню — хан Худояр не любил, когда ходжи без его ведома покидали Коканд: отъезд их всегда предвещал непредвиденные беспокойства.

Ходжу Валихана сопровождало семь всадников; все они были в бухарских халатах, перепоясанных портупелями, на которых в простых ножнах висели сабли и кинжалы. Ходжа Валихан, уже немолодой, сильно располневший человек, ехал первым; широкое, с редкими черными усами лицо его казалось добродушным, умиротворенным; небольшая пухлая рука, рука человека, никогда не занимавшегося физическим трудом, уверенно сдерживала норовистого жеребца-карабаира. Застоявшийся в конюшне, тонконогий, с мускулистой' широкой грудью, жеребец грыз удила, всхрапывал, скалил ровные желтоватые зубы, обнажая розовые десны, но ходжа Валихан не спешил дать ему свободу и, успокаивая, похлопывал по крутой лоснящейся шее. И только когда башни Кокни да исчезли за рощами пирамидальных тополей и шелковицы, ходжа Валихан ослабил повод и свистнул. Жеребец с места перешел в галоп, но Валихан поднял нагайку над головой жеребца, и тот, не дожидаясь удара, ускорил бег; толчки становились

реже, спокойней, и, наконец, тряский галоп сменился ровным стремительным карьером. Белесый хвост пыли, поднимавшийся за всадниками, медленно загибался на поля, засеянные ячменем, джугарой, рисом. Валихан не смотрел по сторонам — вдоль и поперек исходил он плодородную Ферганскую котловину! — взгляд его неотступно был устремлен к далеким, с размытыми очертаниями хребтам, замыкавшим котловину на востоке. Он знал: в этих горах есть проход — самый удобный проход из Кокандского ханства в китайскую провинцию Нан-лу, или в Кашгарию, известную также под названием Малой Бухарин, или Алтышара. Из последнего названия следует, что стоят там, неподалеку друг от друга, шесть городов, и переводится оно примерно так: край шести городов. Но нет среди них города прекрасней, чем Кашгар, родной город ходжи Валихана и его верных спутников, кашгарских мусульман, фанатично преданных своему предводителю. Уже давно Кашгария входит в Китайскую империю, но какой же правоверный ходжа может смириться с утратой власти, с тем, что в Китае правят «неверные» китайцы-буддисты!.. Настала пора объявить газат — священную войну — и навсегда изгнать китайцев из Кашгарии. А время для этого богоугоднейшего дела как нельзя более подходящее: давно дошли до Ходжи слухи о большом восстании в Китае, о частых войнах с иноземными пришельцами,

На вторые сутки, ночью, отряд ходжи Валихана миновал стороной город Ош. День всадники провели в глухом ущелье, стараясь никому не попадаться на глаза,— спали в редкой тени кустов чилиги, пустив спутанных коней пастись, а на следующую ночь подъехали к небольшому кокандскому укреплению Оксалур.

Ночь стояла тихая, ясная. В глубине низкого, прозрачно черного неба влажно блестели крупные звезды; на востоке занималось желтовато-оранжевое зарево — всходила луна, и черные силуэты тополей отчетливее выступили из мрака; тихо журчала вода в неглубоких арыках гулко разносилась по окрестностям дробная, вразнобой, поступь конного отряда — ходжа Валихан ехал не таясь. |Со сторожевой башни их окликнули дозорные. Послышалось характерное щелканье взводимых курков, и Ходжа Валихан догадался, что стражники изготовили ружья. Остановив движением руки спутников, Ходжа Валихан один подъехал к воротам и, сославшись на приказ хана Худояра, потребовал, чтобы к нему вышел бек — начальник укрепления. Бек узнал Валихана и, не подозревая злого умысла, велел открыть ворота. Дорого поплатился он за эту оплошность. Спешившись и отдав повод подбежавшему солдату-сипаю, ходжа Валихан вежливо приветствовал бека; не поворачиваясь, он на слух определил когда последний из его спутников въехал в городские ворота, но и после этого не изменил поведения — перед беком попрежнему рассыпался в любезностях и раскланивался добродушный пожилой кашгарец, а про вежливость и галантность кашгарцев по всему востоку ходят легенды!..

Нет, ходжа Валихан не мог итти впереди бека! — но едва размякший от лести бек сделал два шага вперед и

неосторожно отвернулся, как ходжа Валихан молниеносным движением выхватил из ножен саблю синеватым пламенем сверкнула она в лучах луны —и одним ударом отсек беку голову.

Гарнизон крепости мог легко уничтожить малочисленный отряд, и нельзя было терять ни секунды, Не успело еще обезглавленное тело рухнуть на потемневшую от хлынувшей крови землю, как невысокий толстый ходжа преобразился: движенья его обрели неожиданную гибкость, пластичность; не выпуская из рук саблю, странно изогнувшись, он боком заскользил вдоль стены. Голова ходжи конвульсивно откинулась назад, глаза закатились, и незрячие белки страшно заблестели в темноте. «А-а-а — протяжно завыл он, и вой его, внезапно оборвавшийся на самой высокой ноте, был так страшен, что даже спутники ходжи потеснились к воротам.— Га-азат!.. Га-азат!»— Сабля ходжи Валихана, роняя капли крови, описала дугу и застыла, указывая на восток, на Кашгар.— Смерть неверным!., смер-р...» — ходжа захлебнулся словами, и в горле его что-то забулькало, заклокотало. Густая тень от глинобитной стены словно чадрой прикрывала лицо ходжи Валихана, и никто не замечал, как зорко вглядываются его холодные спокойные глаза в неподвижные фигуры солдат...

— Газат! — выкрикнул один из сипаев гарнизона, и к воплю его присоединились десятки голосов: — Газат! Газат!

Ходжа Валихан облегченно вздохнул и, не вытирая, бросил саблю в ножны. Первая победа была одержана.

Утром в Оксалур пришли солдаты, собиравшие дань с киргизов, и ходжа Валихан присоединил их к своему, теперь уже боеспособному отряду. Он выставил на всех дорогах,

ведущих в Кашгар, караулы, чтобы никто не мог оповестить китайцев о его появлении на границе, и подал верных людей вербовать в войско киргизов.

Через несколько дней в Оксалур доставили кашгарских чиновников, беков, посланных китайцами на разведку.

Ходжа Валихан доставил себе удовольствие собственноручно зарубить их, не вступая с ними ни в какие переговоры.

Вскоре вернулись вербовщики с киргизами-добровольцами, и ходжа Валихан покинул Оксалур.

В четыре часа утра ходжа Валихан появился перед юго-западными воротами Кашгара. В городе было тихо, спокойно, но заря уже занималась, и Валихан слегка нервничал и торопил подчиненных. Часовых нигде не обнаружили — удивительная беспечность китайцев и здесь помогла дерзкому налетчику. Валихан приказал немедленно свезти к воротам дрова, привезенные горцами в город на продажу и оставленные за стеной, и заложил.

в них порох, захваченный в китайском пикете. Дрова подожгли. Сухие смолистые ветви высокогорной арчи жарко вспыхнули. Через несколько минут сильный взрыв потряс город, и ворота разлетелись в щепки. Еще вились в воздухе горячий пепел и пыль, а в пролом уже ворвался передовой отряд войска ходжи. Всадники помчались по улицам, громко призывая жителей к священной войне против буддистов. Перепуганные люди, хватаясь за оружие, выскакивали из домов, и поднялась такая паника, что организовать сопротивление гарнизон не сумел...

Китайцы и верные им кашгарцы бежали из города и укрылись

в маньчене — укрепленной цитадели, расположенной в нескольких стах метрах от городских стен Кашгара.

В городе грабили лавки, склады, шла резня. Все пленные были казнены, и из их голов ходжа Валихан заложил на берегу реки Кызылсу пирамиду...

Восстание перебралось в кишлаки, и скоро под начальством Валихана собралось до 70 000 сипаев (кавалеристов) и 4000 сарбазов (пехотинцев). Все они были разделены на «знамена», в каждое из которых входило пятьсот человек: во главе «знамени» стоял пансад — пятисотенный.

Ходжа Валихан обложил население тяжким налогом, отобрал всю медную утварь и перелил ее в пушки.

Но главные силы ходжи Валихана были направлены на борьбу с китайской цитаделью-маньченем. Больше всего глинобитные стены боялись воды, и Валихан приказал запрудить реку Кызылсу и направить ее воды на маньчень.

Тысячи кашгарцев каждый день пригонялись к реке на строительство плотины. Заглохла торговля, пришли в упадок ремесла...

Валихан поселился во дворе бежавшего хаким-бека — туземного правителя Кашгара. Знатнейшие жители привели к нему в гарем своих дочерей. Каждую ночь во дворце устраивались оргии, а днем накутившийся гашиша борец за правую веру требовал, чтобы ему приводили из переполненных тюрем заключенных. Его не интересовало, буддисты они или мусульмане, китайцы или уйгуры. Покачиваясь, с мутными, побелевшими от скрытой ярости глазами, он подходил к поставленным на колени, связанным пленникам. Некоторое время он молча рассматривал их, а потом толстые щеки его начинали подергиваться, рот сводило судорогой, и, задыхаясь от непреодолимого бешенства, он рубил людей, окончательно пьянея от вида крови, от ее теплого дразнящего запаха...

И пирамида на берегу реки Кызылсу все увеличивалась...

Китайцы иногда делали вылазки, стремясь сорвать осадные работы, но солдаты Валихана успешно отбивали их...

Убедившись, что запертые в маньчене китайцы не представляют для него сколько-нибудь серьезной опасности, ходжа Валихан послал часть войска на захват других городов Алтышара. Почти без сопротивления сдался город Янгигисар,

и тогда ходжа Валихан отправил своего любимца, молодого Тилль-хана, на штурм самого крупного города Малой Бухарин — Яркенда.

Тилль-хан, ложно провозглашенный для привлечения на его сторону правоверных мусульман ходжой, разбил высланное ему навстречу войско китайцев. Но Яркенд отказался покориться победителю. Туземные беки уверили горожан, что Тилль-хан не ходжа, а сын янгигисарского мясника, и все население вышло на городские стены защищать Яркенд...

АДОЛЬФ ШЛАГИНТВЕЙТ

В начале 1857 года немецкий путешественник Адольф Шлагинтвейт, долгое время странствовавший по Индии, встретился в Пенджабе, в городе Султанпуре, с уйгуром Магомет-Амином, уроженцем Яркенда. Магомет-Аминь, ранее пользовавшийся покровительством англичан, предложил провести Шлагинтвейта в Кашгарию и далее, в Кокандское ханство.

Предложение показалось Шлагинтвейту заманчивым. Кашгария... До сих пор об этом глухом уголке земного шара, отгороженном от остального мира высочайшими торными хребтами, наука не располагала сколько-нибудь достоверными сведениями. Шлагинтвейт знал, что в 1272 году в Кашгаре побывал знаменитый венецианский путешественник Марко Поло, а в 1603 году — иезуит Гаес, но все, что они сообщили о Кашгаре, имело теперь чисто исторический интерес, да и в то время не могло дать сколько-нибудь полного представления об этой стране.

Доходили до Шлагинтвейта слухи, что совсем недавно случайным ветром занесло в Кашгар англичанина, офицера Ост-Индской службы. Китайцы, у которых имелись основания не доверять англичанам, избили его до полу-смерти бамбуковыми палками, и незадачливый офицер поспешил

убраться восвояси...

И вот теперь Магомет-Аминь предлагает пробраться туда Шлагинтвейту... Они сидели друг против друга, по-восточному скрестив ноги, и пили чай — сухой, с прокаленным на солнце широкоскулым лицом уйгур и молодой светловолосый немец с ясными серыми глазами... Слушая неторопливый рассказ Магомет-Аминя, Шлагинтвейт мечтал. Да! Он побывает в Кашгаре. Более того, он с юга, первым из европейцев, достигнет таинственных Небесных гор — Тянь-Шаня, пересечет их, выйдет в Кокандское ханство, а оттуда — в Россию, совершив, таким образом, небывалое в истории географии путешествие. Шлагинтвейт не обольщал себя фантазиями о легком достижении цели. Нет, он отлично знал, что труден и опасен будет его путь: ему предстоит пересечь один из высочайших горных хребтов мира Каракорум, преодолеть безводные пустыни, итти через края, охваченные междоусобными войнами. Но Шлагинтвейт не испугался — молодой путешественник был не из робкого десятка...

Шлагинтвейт шел через Каракорум непроторенными путями, отказавшись от древних караванных троп; во главе каравана из нескольких десятков носильщиков, нанятых в Кашмире, двигался он навстречу неизвестности.

Огромные горные массивы, увенчанные остроконечными ледяными пиками, вздымались вокруг него. Караван шел то по узким, словно прорубленным одним ударом гигантского меча ущельям, то поднимался на сквозные, открытые всем ветрам перевалы. Сначала на склонах еще попадались леса из кедра, березы и осины, но вскоре они навсегда остались позади, далеко внизу, и караван вступил в зону пустынных высокогорий. На первый взгляд! высокогорья казались безжизненным нагромождением скал, но, приглядевшись, Шлагинтвейт замечал укрытия от ветра, цветущие кустики невысоких альпийцев, любопытных сурков, издали похожих на маленьких хвостатых медвежат, а иной раз высоко в небе величаво проплывал на широко распластанных крыльях черный гриф, высматривавший мертвечину... Провожая его

взглядом,

Шлагинтвейт иногда с легкой усмешкой думал, что не исключен и такой случай: когда-нибудь черный гриф прервет свой полет, закружит над одним местом, сложив крылья, с клетотом, камнем упадет вниз и опустится рядом с его, Шлагинтвейта, безжизненным телом... Но печальные мысли редко тревожили путешественника — молодость самонадеянна я не очень-то верит в неизбежность смерти...

Все ближе становились ледниковые панцыри, лишь кое-где пробитые черными ребрами скал. Ледники нежно розовели на закате, отливали синевой в предрассветных сумерках, но Шлагинтвейт знал, что сплошь да рядом срываются с них бешеные ветры, а в снежном буране погиб не один караван...

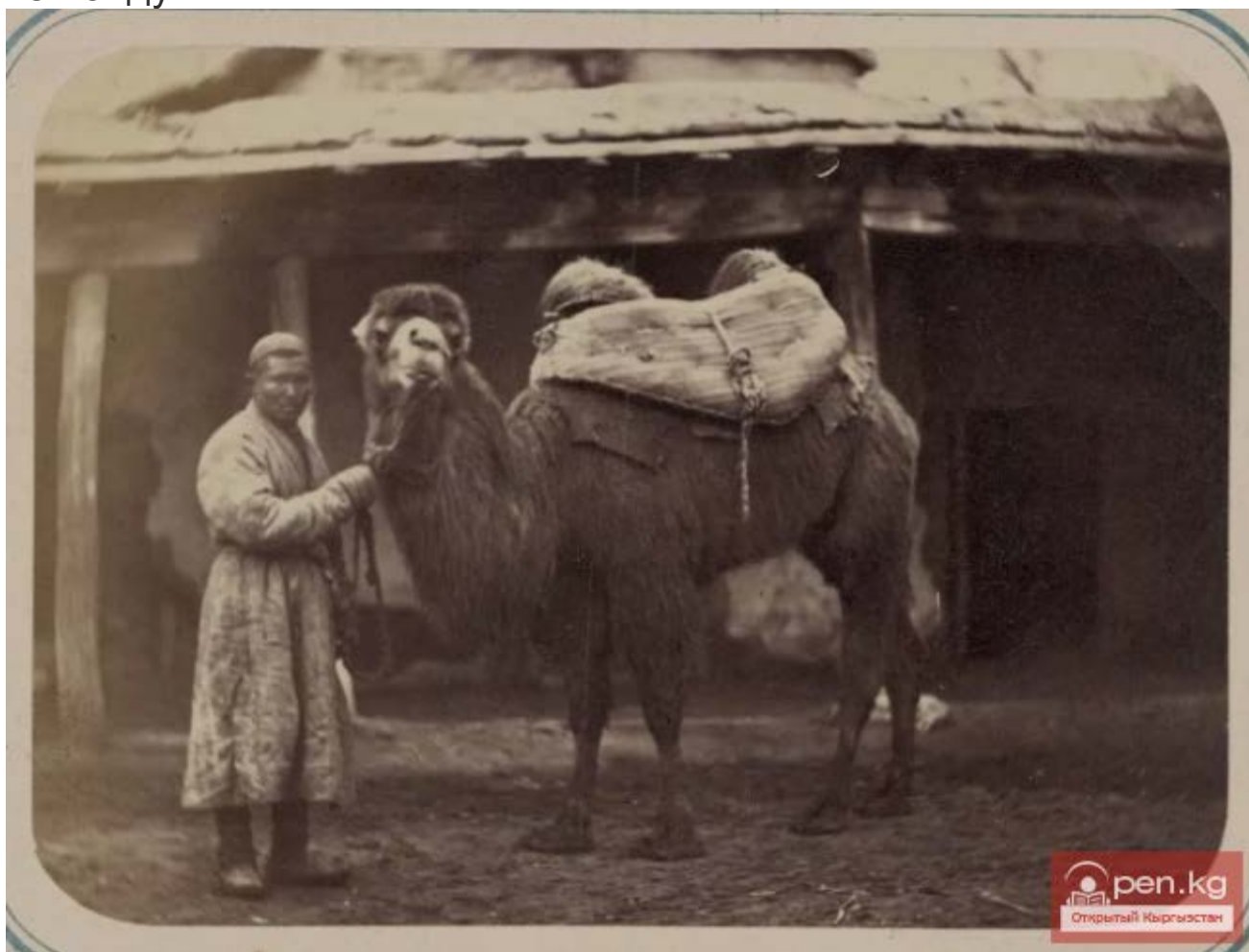
Нигде не встречалось им жильё. Лишь однажды нашли они развалины небольшого укрепления, построенного, как уверяла легенда, еще во времена Александра Македонского.

Не выдержав трудностей пути, сбежал на лошади слуга Шлагинтвейта. Тот послал за ним в погоню другого слугу, но

посланец, надо полагать, присоединился к беглецу, и они скрылись вдвоем... Караван в это время находился на безводном плато, со всех сторон окруженном горами. Никто не знал, как выбраться из горного кольца, где дорога дальше.

Кончалась в бурдюках вода и остатки ее — прогорклой, крепко пахнувшей кожей — выдавались строго по норме.

После долгих скитаний заметили со взгорка небольшое озеро, запрятанное среди изъеденных ветром и солнцем скалистых останцов. Никто не обратил сначала внимания на его странный красноватый цвет, и Шлагинтвейт почувствовал, как повеселели, взбодрились измученные люди... Вода в озере оказалась соленой, и это переполнило чашу терпения — долго копившееся недовольство прорвалось наружу, и носильщики заявили, что дальше они не пойдут.

Шлагинтвейт, уставший не меньше других, вспылил и с двумя

пистолетами в руках пошел было на угрюмо молчавших носильщиков, но Магомет-Аминь поспешил преградить ему дорогу. Нет, действовать нужно не так, угроза не сломит бунтарей — слишком хорошо знают они свою силу, свое превосходство в числе. Хитрый Магомет-Аминь пустился на уговоры, сулил награды покорным.

Тогда Шлагинтвейт, потеряв терпение, приказал уходить тем, кто хочет, носильщики разделились на две партии, и одна пошла обратно, а вторая осталась с путешественником.

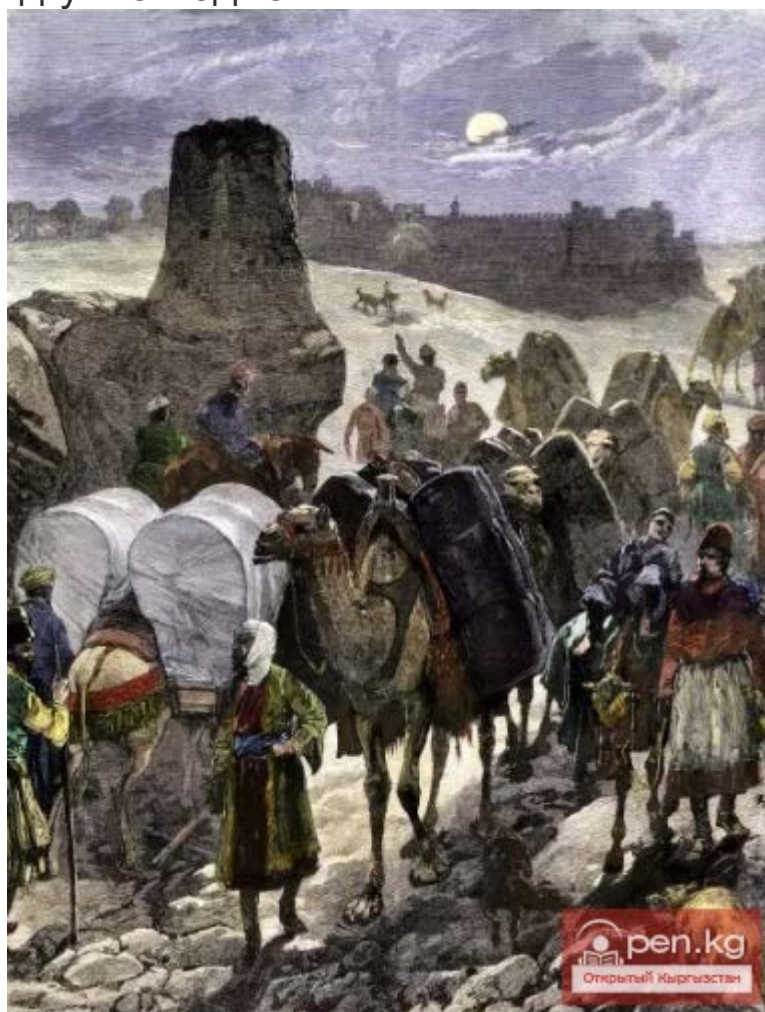
На последнем перевале, с которого начинался спуск в обширную Таримскую впадину, караван застиг снежный буран. Под защитой скал люди с трудом поставили юрты и, прижавшись друг к другу, пережидали непогоду. Среди ночи ветер немного стих, и Шлагинтвейт вышел наружу. Он не узнал окрестностей — все было погребено под снегом но буран уже кончался: в разрывах между низкими, быстро летящими над перевалом облаками, все чаще вспыхивали серебристые огоньки звезд... Шлагинтвейт вернулся в юрту и спокойно заснул.

Утром выяснилось, что слуги Магомет-Аминя похитили всех лошадей и скрылись. Глубокие темные следы, проложенные в снегу, вели вниз, на равнину. Взбешенный Шлагинтвейт послал за ними в погоню верных людей во главе с Магомет-Амином, велел им не возвращаться без лошадей. Только этого недоставало — почти достигнув цели, остаться без вьючных животных и беспомощно сидеть на перевале!..

Оставшись в опустевшем лагере, Шлагинтвейт занялся разбором дневников, рисунков. Да, самая трудная часть пути, через безлюдные горы, уже позади, но впереди ждало его, пожалуй, более сложное испытание — встреча с туземным населением, подозрительно относящимся ко всем европейцам. И Шлагинтвейт невесело думал, что предпочел бы преодолеть еще два таких же хребта, как Каракорум, лишь бы избежать рискованных столкновений с местными

деспотичными владыками.

К вечеру слуги вернулись с семьей отобранными лошадьми. Магомет-Аминь продолжал погоню. Остаться на перевале было рискованно, и Шлагинтвейт начал спуск с гор, не дожидаясь сбора всего каравана. Магомет-Аминь присоединился к нему уже в предгорьях, в небольшом селении Сояд-улла-ходжа.

Местные жители вопреки ожиданию Шлагинтвейта встретили караван приветливо, и измученные путники могли спокойно отдохнуть. Впрочем, спокойствие вскоре было несколько нарушено: до Сояд-улла-ходжа дошли слухи, что в Кашгарии опять идет война, хотя не было известно, кто воюет и с кем.

Две Дороги вели из Сояд-улла-ходжа в Кокандское ханство: прямая через Кашгарию и окружная, более длинная, с выходом в город Ош. Шлагинтвейт после недолгих раздумий выбрал первую, короткую. Но осторожный Магомет-Аминь,

узнав о решении саиба, предостерег его: короткая дорога не всегда самая легкая дорога; не лучше ли выбрать окружной, но более спокойный путь?..

Обнадеженный хорошей встречей с туземцами, Шлагинтвейт не послушался проводника и лишь после настойчивых уговоров согласился послать вперед, на разведку, слугу Мурада. Не дожидаясь его возвращения, караван снялся и медленно пошел в сторону Кашгара...

Они шли по самому краю гигантской пустыни, и Шлагинтвейт сам себя сравнивал с путником, вышедшим на берег моря и не знающим, далеко ли оно простирается и какие страны лежат за ним. Песчаные волны пустыни порой подступали вплотную к предгорьям, к зеленеющим оазисам по берегам небольших, с ледяной водой речек, берущих начало в высокогорной зоне. Маломощные речки эти не могли бороться с пустыней и исчезали, едва достигнув ее края; но все-таки они приносили воду, а вместе с нею и жизнь в эти суровые, со студеной зимой и знойным летом края... Думалось Шлагинтвейту, что когда-то по этой древней караванной тропе проходил вместе со своими братьями и венецианец Марко Поло, и теперь Шлагинтвейт не сомневался, что тропа выведет его к Тянь-Шаню и он первым из европейцев увидит гигантские вулканы — огнедышащие горы, над которыми день и ночь поднимаются огромные султаны из дыма и пепла, озаренные снизу негаснущим пламенем... Это будет велико-лепным подарком великому географу Гумбольдту, учителю Шлагинтвейта, предсказавшему их существование на основе теоретических построений...

Мурад привез радостную весть: Кашгария завоевана Кокандским ханом! Шлагинтвейт не смог скрыть восторга и даже фамильярно хлопнул Магомет-Аминя по плечу. Но умудренный житейским опытом Магомет-Аминь продолжал настаивать на своем.

— Саиб, кокандский хан никогда не осмелится так далеко

вести свои войска да еще против великой Китайской империи,— убеждал он.— Это кокандские бара-саибы (знатные господа), ходжи устраивают смуты, а им опасно доверяться...

— Идем на Яркенд,— с излишней резкостью оборвал его Шлагинтвейт и произнес вслух французскую пословицу: — Кто не рискует, тот не выигрывает.

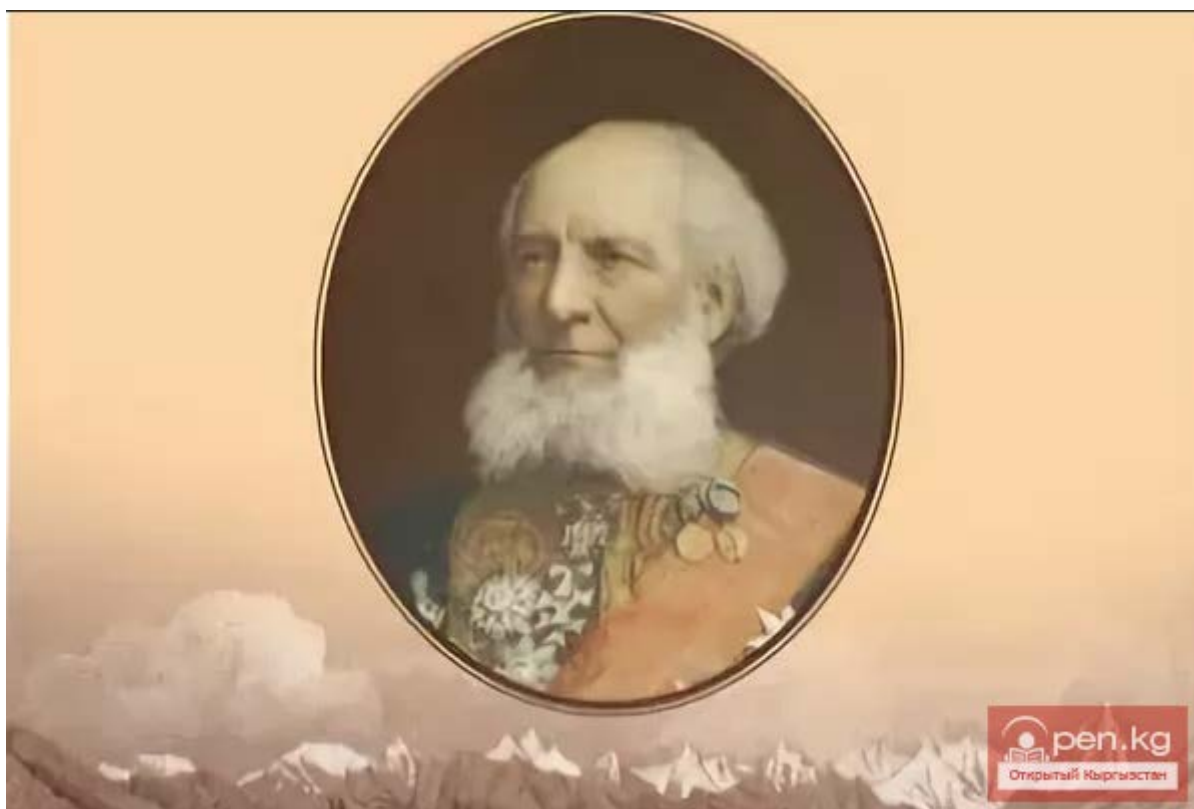
Магомет-Аминь не понял, но, сложив руки у груди, смиренно поклонился... Войска Тилль-хана, окружив Яркенд, готовились к решительному штурму. Шлагинтвейт подошел к лагерю в самый разгар военных приготовлений, но Тилль-хан все-таки допустил его к себе, милостиво принял подарки, обласкал и даже распорядился снабдить съестными припасами. Он обещал лично представить его могущественному ходже Валихану, как только возьмет непокорный Яркенд и отрубит головы горожанам.

Посулам этим, однако, не суждено было сбыться: китайский гарнизон, подкрепленный воинственными яркендцами, вышел из города и наголову разбил войска Тилль-хана...

Вместе с отступающими войсками Шлагинтвейт, Магомет-Аминь и их слуги бежали по направлению к Кашгару. Они подошли к нему в ту пору, когда по стране пронесся слух о приближении огромного китайского войска, высланного для расправы с ходжой. Ворота города, приготовившегося к осаде, закрылись для всех.

И все-таки Шлагинтвейту вместе со слугами удалось проникнуть в Кашгар...

ПРОСТО СЕМЕНОВ

Осенью 1857 года в Омск, после путешествия по Средней Азии, вернулся Петр Петрович Семенов — просто Семенов. Но впоследствии, после того как слава об этом путешествии разнесется по всему миру — Петр Петрович был первым ученым, посетившим Центральный Тянь-Шань — полное имя его будет писаться П. П. Семенов-Тян-Шанский.

За 1856—1857 годы Семенов побывал во многих местах Казахстана, объехал высокогорное озеро Иссык-Куль, расположенное среди хребтов Тянь-Шаня, побывал в верховьях Нарына, видел величественный, покрытый ледниками массив Хан-Тенгри; он собрал богатейшие коллекции, ознакомился с бытом населения... И все же Семенов понимал, что сделанное им — лишь первый шаг к познанию Средней Азии, не говоря уж о Центральной, куда ему не удалось проникнуть.

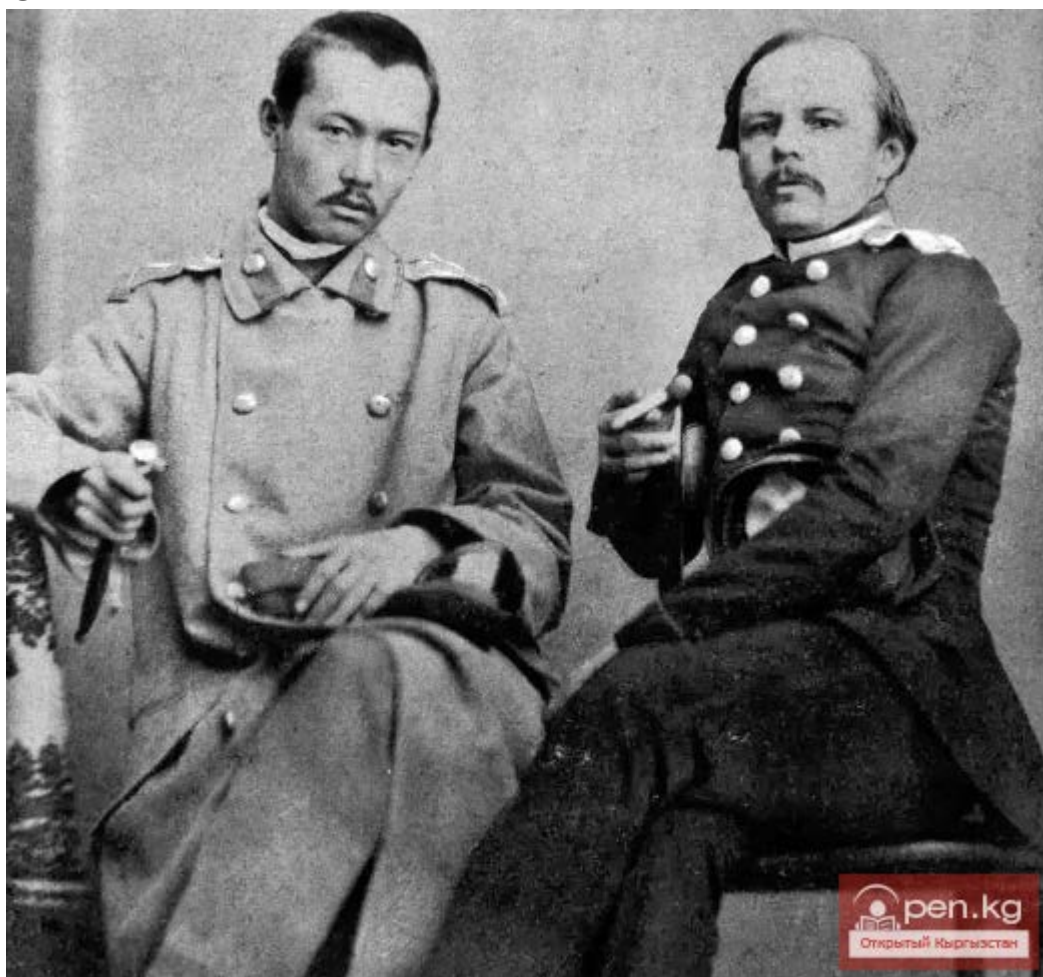
В дальнейшем судьба его сложится так, что сам он не совершит больше ни одного значительного путешествия. Но зато мысль его будет постоянно прикована к Средней и Центральной Азии; всякое начинание, всякий дерзкий замысел, направленные на их изучение, будут находить у него горячую и, что особенно существенно, практическую поддержку. Пржевальский, Потанин, Роборовский, Грумм-Гржимайло и многие другие в той или иной степени будут обязаны своими успехами Петру Петровичу Семенову-Тянь-Шанскому и на всю жизнь сохраняют благодарное воспоминание о нем...

В год возвращения из экспедиции, имея от роду тридцать лет, Семенов уже был видным ученым. Универсально образованный, отважный, он отличался удивительной способностью привлекать к себе людей, заражать их своим энтузиазмом, вдохновлять на подвиги... Высоколобый, с крупным мясистым носом и жесткими прямыми губами, при первой встрече он производил впечатление человека замкнутого, сурового, несколько даже высокомерного; впечатление это, впрочем, исчезало, как только Семенов поворачивался к представленному и тот встречался с его умным внимательным взглядом, улавливал легкую доброжелательную улыбку, сразу изменявшую выражение лица...

Семенов умел не только рассказывать, но и слушать, не только поучать, но и учиться, и, быть может, поэтому собеседники так охотно открывали ему душу, а он, поняв

искренность стремлений, столь многим сумел помочь...

Еще в 1856 году, отправляясь в свое путешествие, Семенов познакомился в доме либерального губернского деятеля Гутковского с молодым офицером-казахом Чоканом Чингисовичем Валихановым. Прямой, насмешливый, резкий в суждениях, Валиханов не случайно запомнился Семенову: этот офицер, натуралист-любитель, отлично знал быт своего народа — казахов — и мечтал, как и Семенов, о путешествиях по Средней и Центральной Азии. Семенов тогда же, и не без некоторой зависти, подумал, что Валиханов обладает перед ним несомненным преимуществом: казах может проникнуть без особых затруднений в те районы Азии, куда русского едва ли допустят бдительные китайские чиновники. Впрочем, тогда, в 1856 году, Семенов вскоре забыл об этих размышлениях — он был целиком поглощен собственными замыслами. Но, завершив свои исследования, Семенов вспомнил о молодом казахе...

Отдохнув с дороги, Семенов пошел навестить Валиханова.

Валиханов жил в центре города, в той его части, которая в просторечии называлась «Мокрое». Миновав сенную площадь — день был не базарный и лишь клочки втопанного в грязь сена напоминали о назначении площади — Семенов выбрался на деревянный тротуар; подобрав полы длинной шинели,— доски прогибались, звонко хлюпая по воде, стоявшей под настилом,— он стал осторожно пробираться вдоль низких, вросших в землю, одноэтажных домиков, подозрительно косясь на гигантскую, без конца и края, лужу, заливавшую всю улицу, по которой плавали табунки домашней птицы. Миновав единственный высокий, с мезонином, дом купчихи Коробейниковой, Семенов подошел к приземистому — окна у самой земли — дому. Повернув ржавое кольцо запора и толкнув калитку, он предусмотрительно заглянул во двор, опасаясь злых сибирских собак.

— Есть здесь кто-нибудь? — окликнул он.

Пожилая, повязанная платком до самых бровей хозяйка-сибирячка провела его к комнате Валиханова. Семенов постучался и, услышав голос хозяина, толкнул дверь.

Валиханов сидел в кресле напротив двери в новеньком, с иголки, мундире. Черноволосый, смуглый, с широкими скулами и косо прорезанными черными глазами, он ничем не отличался от других, много раз встречавшихся Семенову казахов, и лишь внешний лоск, приобретенный в корпусе и армии, выделял его.

— Вы? — Валиханов стремительно вскочил, шагнул

навстречу, но, не зная, как вести себя, остановился, вытянув по привычке руки по швам.

Семенов улыбаясь взял его за плечи и ласково встряхнул...

Они разговаривали долго, не торопясь. Рассказывая о себе, Семенов приглядывался к Валиханову. Этот сын казахского султана, ставший адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта, быстро усвоил привычки привилегированного сословия: комната его была обставлена не без вкуса, с барской роскошью, повсюду виднелись дорогие безделушки, до которых Валиханов был большой охотник. Семенов обратил внимание на ногти Валиханова — отточенные, холеные. Все это нечутьного беспокоило Семенова, вызывало чувство смутной тревоги за этого талантливого человека. Он знал, как легко соблазняют вот таких выходцев из иной социальной среды внешние, показательные атрибуты цивилизации...

Осторожно, стараясь не обидеть, Семенов намекнул на это Валиханову. Тот понял и усмехнулся.

— Я верю в вас, Чокан Чингисович — говорил Семенов, — верю, что вы можете много сделать для науки, для своего народа. И поэтому немножко боюсь за вас. Кому много дается, с того много и спрашивается, а вам много дано... В прошлую нашу встречу я советовал вам ехать учиться в Петербург...

Валиханов кивнул, подтверждая, что помнит об этом.

— Вам, действительно, следует получить добротные, систематические — тут Семенов выразительно поднял вверх указательный палец — знания по истории Востока, его этнографии, филологии, пополнить свое естественно-историческое образование... И все-таки я собираюсь сделать вам неожиданное предложение — я предлагаю вам временно отложить учебу в Петербургском университете и совершить... Готовы ли вы к рискованному путешествию?..

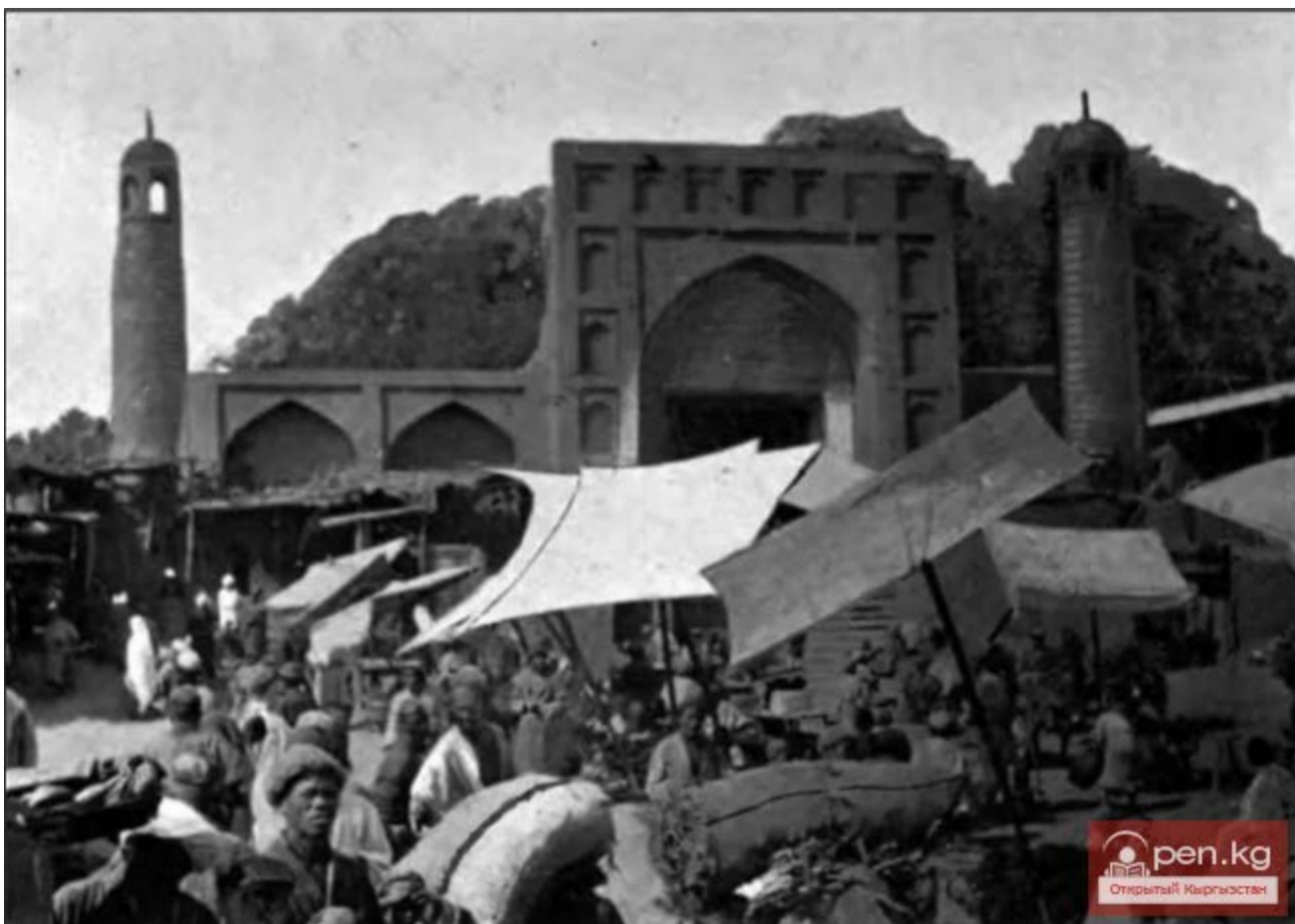
Уже давно, почти тотчас после прихода Семенова, подсознательно угадал Валиханов, что не случайно зашел к нему путешественник, что нечто большее, чем простое желание поговорить с малознакомым человеком, привело его к нему. Не сразу осознал это Валиханов, но странное необъяснимое беспокойство, бередящее душу, глухое недовольство волновали его, мешали сосредоточиться, злили... И вот теперь все разрешилось неожиданно просто—

именно за этим пришел Семенов, и именно этого все время ждал Валиханов.

— Да, — жестко, без раздумий сказал Валиханов и сделал такое движение, словно хотел сбросить с себя всю мишуру.
— Но что вы имеете в виду?..

Семенов медлил...

— Я не знаю, как отнесутся к моему путешествию петербургские коллеги, — тихо, сосредоточенно глядя на зашторенное окно, заговорил Семенов, — но самому мне ясно: сделано мало, очень мало.» Я сумею кое-что рассказать о природе Небесных гор, я установил, что нет на Тянь-Шане вулканов, предсказанных Гумбольдтом. Но Тянь-Шань — это лишь первый порог на пути в Центральную Азию. И я не перешагнул этого порога, я только поднялся на него. Вернуться сюда в ближайшие годы мне не удастся, — Семенов доверительно посмотрел на Валиханова и, не сдерживая вздоха, пояснил: — Тяжела жизнь на Руси, и покуда не освободим мы крестьян от крепостной зависимости, лучше она не станет. А освобождение близится! — лицо Семенова просветлело, и он возвысил голос. — Близится! И я спешу в Петербург, чтобы принять участие в подготовке реформы... Да, но мы отвлеклись. Что если вам, Чокан Чингисович, сделать следующий, после меня, шаг? Вы могли бы проникнуть в Кашгарию — ту самую Кашгарию, о которой сложено столько легенд... Бог весть что творится там сейчас — смутные слухи ходят о войнах, восстаниях... Да и в восточных провинциях Китая неспокойно: Гасфорт рассказывал мне о восстании тайпинов против маньчжурских правителей. Из Петербурга мне писали, что в Кашгар пытался проникнуть немецкий путешественник Адольф Шлагинтвейт. В последнее время он служил у англичан, а они давно интересуются Средней Азией. По расчетам, Шлагинтвейт уже должен был выйти к нашим постам, но почему-то не вышел. В Европе обеспокоены его судьбой... Короче говоря, Кашгария, или Алтышар, — сплошная загадка.

Валиханов, задумавшись, взял пилку для ногтей, повертел ее в руках и бросил на стол.

— Вы сами поговорите с Гасфортом? Семенов кивнул.

— На днях я встречу с ним и расскажу о нашем Плане. Его заинтересуют военные сведения об Алтышаре, ну а вы не должны забывать о науке...

Уже собравшись уходить, Семенов сказал:

— Я чувствую себя все-таки глубоко виноватым перед вами, Чокан Чингисович, Вы очень молоды, а я соблазняю вас на предприятие в высшей степени опасное... Вы можете проникнуть в Кашгар только тайно, но если там установят, что вы русский офицер...

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

Генерал-губернатор Гасфорт согласился тайно отправить в Кашгар своего адъютанта Чокана Валиханова — сведения о соседних территориях интересовали не только сибирские военные ведомства, но и Петербург.

Оставалось, однако, самое трудное — обеспечить успех этому сложному, чреватому многими неприятностями предприятию. И тут на помощь пришел богатый семипалатинский купец Букаш Аупаев. Умный, до тонкости знающий нравы и обычаи среднеазиатских народов, сам побывавший во многих краях, он предложил план, с которым согласились и Гасфорт, и Валиханов. Букаш Аупаев припомнил, что лет двадцать назад из Кашгара был вывезен мальчик по имени Алимбай. По сведениям, осторожно собранным Аупаевым, этот кашгарец вместе со своими родителями так и не вернулся на родину, и родственники,

оставшиеся в Кашгаре, ничего не знали о его судьбе. Букаш Аупаев предложил Валиханову принять имя Алимбая. Кроме того, на должность предводителя каравана, караван-баши, он назначил своего верного человека, Мусабая, не раз бывавшего в Кашгаре и имевшего там знакомых, которые всегда могли подтвердить, что Мусабай — честный купец, уже немало товаров распродавший в Кашгаре в прошлые годы. Для верности Валиханов назвался родственником Мусабая. Несколько купцов, вовлеченных в заговор, также выделили надежных приказчиков и слуг.

Пришлось Валиханову обрить голову и заменить щегольский офицерский мундир татарским халатом.

28 июня 1858 года Чокан Валиханов присоединился к каравану в урочище Карамула, что находится неподалеку от города Капал .

В составе каравана было семь приказчиков и тридцать четыре слуги, причем они подчинялись караван-баши.

В количестве людей, которых приходилось посвящать в планы Валиханова, информировать о его новом «происхождении» и родственных отношениях с караван-баши, и заключалась главная опасность: все они поклялись свято хранить тайну, но их было слишком много, для того чтобы она долго могла сохраниться...

Как родственник караван-баши Валиханов-Алимбай получил в управление кош — свою часть каравана — и походную юрту.

1 июля караван снялся и медленно пошел по пикетной дороге к возвышающимся на юге горам Джунгарский Алатау.

По Жака-Альтшэмельскому перевалу караван пересек горы и спустился в пустынную, каменистую долину реки Или, несущей свои воды в озеро Балхаш... Едва глаз успел привыкнуть к суровому пустынному пейзажу, как впереди показалась темная полоска тугаев — густой прибрежной растительности. Тропа вела прямо к переправе, которую содержало несколько предприимчивых казахов. Лагерь разбили на низком песчаном берегу, заросшем тростником, камышами, чиём. Вечером с окрестных прибрежных болот, со стариц поднялись тучи комаров. Было их так много, что горячий чай в пиалах мгновенно покрывался серым налетом из трупиков назойливых насекомых, обварившихся на пару, в ушах стоял сплошной звон, а воспаленная кожа горела от укусов. Тщетно Валиханов заматывал голову тряпьем — заснуть ему удалось только на рассвете.

Утром началась долгая, сложная переправа. В плоскодонную, плохо проконопаченную лодку складывали груз, дружными усилиями сталкивали ее на воду, и лошади, привязанные к лодке за хвосты, вплавь перетаскивали суденышко на противоположный берег. Из лодочников только один сидел на руле, а другие занимались более ответственным делом — вычерпывали, обливаясь потом, быстро натекавшую сквозь

щели воду... Переправа продолжалась три дня, и немудрено: более ста верблюдов было в караване, шестьдесят пять лошадей, шесть юрт, а товару— на 18 545 рублей серебром.

Еще через семь дней караван прибыл на реку Кегень, стекавшую с Кетменского хребта, в аулы адбановских киргизов...

Китайские власти разрешали всем среднеазиатским народам вести торговлю с городами Алтышара, но преимущественно пользовались кокандцы — они даже имели право брать пошлину со всех караванов, а в Кашгаре сидел особый чиновник, назначаемый кокандским ханом,— аксакал, пользовавшийся правами консула и политического резидента. Но торговым караванам разрешалось проходить в Алтышар только из Ферганской котловины, через Кашгарскую теснину. Тяньшанские же тропы были открыты китайцами только для прогона скота, в котором очень нуждались жители Малой Бухна караванных тропях Тянь-Шаня разбойничали и грабили купцов барантачи — разбойники. Поэтому кашгарцы предложили объединиться, и Мусабай охотно согласился на это...

Уже перед самым выходом среди местного населения пронеслась молва, что в семипалатинском караване, идущим в Кашгар, скрывается русский офицер. Прослышали об этом и кашгарцы. Но ни Мусабай, ни Валиханов отступить не собирались.

В последний момент кашгарские купцы вмешались в драку с кокандскими солдатами, пытавшимися получить с них взятку, и многие из них задержались до окончательного ареста.

Поэтому, строго выполняя план Букаша Аупаева, караван Мусабая, разделившись на отдельные коши, занялся меновой торговлей: на русские товары, вывезенные из Семипалатинска, покупали баранов.

Валиханову сразу же не повезло: случайно его кош откочевал

в аул знакомого киргиза, который мог опознать в Алимбае русского офицера и сорвать все предприятие. Пришлось Валиханову, сославшись на тяжелую болезнь, двенадцать дней пролежать в юрте, боясь показаться кому-нибудь на глаза. К счастью, все обошлось благополучно, и Валиханов неопознанным перекочевал в другой аул.

Около месяца продолжалась торговля, и караван приобрел более трех тысяч баранов. Пора было идти дальше — близилась зима и высокогорные перевалы могли закрыться.

Неожиданно Мусабай и Валиханов встретились с кашгарцами — их караван тоже закупал скот у киргизов. Пришлось открыться им и сказать, что их караван идет в Кашгар. Кашгарцы не только не удивились, но даже обрадовались: по слухам, расследования дела, Мусабай ждать их не стал и, хотя караван увеличился за счет кашгарцев незначительно, всего до шестидесяти человек, или, как велось тогда исчисление, до десяти «огней» (стало десять юрт вместо

шести), вышел в путь.

Встреча с кашгарцами растревожила Валиханова и Мусабая не только потому, что до тех дошел слух о русском агенте. От кашгарцев они получили «новейшие», годичной давности сведения о положении в Кашгаре, в ту пору захваченном ходжой Валиханом. Прогнали китайцы ходжу или нет — кашгарские купцы не знали. И Валиханов, и Мусабай понимали, что идти в город, охваченный восстанием, — дело в высшей степени рискованное. Кашгарцы сдержанно выражали свое отношение к правителям родного города — боялись сказать лишнее, памятуя, как легко слетают головы с плеч на их родине. Но Валиханов и Мусабай сами были достаточно наслышаны о свирепом деспотизме и безграничном своеволии, капризности восточных владык...

Из долины Кегеня караван стал подниматься к невысокому перевалу Сан-Таш, ведущему в Иссык-Кульскую котловину. Тропа шла среди невысоких увалов, заросших буйным, густым разнотравьем — тимофеевка, мятлик, ежа, вейник, колосняк сплетались здесь с гибкими, ползучими ветвями подмаренника, с полынью, вероникой, манником.

Над холмами и курганами парили небольшие степные орлы. Осторожные дрофы, издали заметив караван, спешили скрыться. Изредка зорким взглядом охотника замечал Валиханов мелькавших, подобно вспышке пламени, огненных лисиц и невольно приподнимался на стременах, вспоминая охоту в родных степях с беркутом на кожаной перчатке... Кое-где на курганах виднелись старые, ныне оползшие и заросшие травой сторожевые укрепления — круговые валы.

На перевале Сан-Таш, что в переводе означает «считанные камни», Мусабай показал Валиханову два кургана — большой и маленький. Они возвышались рядом, и оба были сложены из обкатанных горными реками кругляшей.

— Издалека принесены, — загадочно сказал Мусабай. — Видишь, здесь нет таких камней...

Вечером, у костра, услышал Валиханов от Мусабая старинную легенду... Много веков назад, когда и горы были выше, и реки полноводней, почти весь мир покорился грозному непобедимому завоевателю — Тимур-ленгу, затмившему славу всех других великих полководцев. Большие и малые народы были покорны ему. Но чем больше власти у владыки, тем деспотичней становится он, требуя все новых и новых доказательств своего могущества.

Дошли до Тимур-ленга слухи, что не боятся его и живут свободно народы за хребтами Небесных гор, и огромное войско во главе с самим Тимур-ленгом выступило в поход против непокорных... Странная мысль пришла в голову Тимур-ленгу: он велел каждому воину взять в руки по камню из торной реки и нести его с собой до перевала. Там, на перевале, воины сложили из этих камней высокий курган. Гарцуя на боевом, под кольчугой, ахалтекинском жеребце, вывезенном из Туркмении (так далеко простирались владения завоевателя!), Тимур-ленг с гордостью думал, что воздвиг еще один памятник своему могуществу. Когда-нибудь потомки, пересчитают камни и благоговейно склонятся перед памятью владыки, собиравшего под свои знамена тысячи

ТЫСЯЧ ВОИНОВ...

Много лет провел Тимур-ленг в походах и много новых народов покорил огнем и мечом. Возвращаясь обратно, снова вышел он на перевал, уже всем известный под названием Сан-Таш. И тут новая мысль осенила владыку, и отдал он приказ, чтобы каждый воин взял из большого кургана по камню и положил рядом... Старый курган не уменьшился в высоту, но неподалеку возник второй, маленький, курган, в десятки раз уступавший по размерам первому. Так узнал Тимур-ленг, сколько воинов погибло, покоряя для него чужие земли, а сколько вернулось на родину. Тимур-ленг остался доволен: чем больше солдат погибло в сражениях, тем больше слава завоевателя, тем больше песен сложат о нем степные акыны, тем дольше будут вспоминать его в городах и кочевьях...

Тимур-ленг или другой завоеватель проходил по Иссык-Кульской котловине и перевалу Сан-Таш, Валиханов не мог решить, слушая неторопливый рассказ Мусабая. Он не мигая смотрел в темноту и перед его мысленным взором проносились фантастические видения прошлого... Завоеватель сменял завоевателя, толпами прогоняли рабов по горным и степным дорогам, дымились развалины городов, и серая пыль медленно погребала трупы мужчин, стариков, женщин, детей... Так было. Но не только завоевателями славны были эти края. Когда-то великолепная культура, память о которой сохранится в веках, расцветала под ясно синим среднеазиатским небом. Здесь жили и создавали бессмертные творения великий врач и мудрец Ибн-Сина, непревзойденный поэт и гуманный визирь Навои, здесь бухарские эмиры наблюдали движения небесных светил и составляли астрономические таблицы...

Сложная, запутанная история, в которой самая возвышенная мудрость переплетена с подлостью, с тягчайшими пороками, история народов, создавших прекрасные города, и история деспотов, разрушавших их по своей прихоти... Но что же знал об этой истории Валиханов?..

Почти ничего... Смутные, отрывочные, подчас противоречивые сведения — вот все, чем располагал он... И в глубине души Валиханов злился на себя, ему хотелось своими руками прощупать, своими глазами увидеть каждую пядь многострадальной земли, чтобы поведать всему миру о ее славной и трагической истории... И он клялся себе, что сделает это...

— О чем думаешь, Алимбай? — спросил его караван-баши.

Валиханов вздрогнул и зябко повел плечами.

— Так, — поеживаясь ответил он. — Заслушался тебя. Спать пора, однако.

— Иди, спи. И пусть приснится тебе веселый город Кашгар, — Мусабай прищелкнул языком и хитро сощурился. — Ай-ай, что за город Кашгар! Нигде такой жизни нет, как в Кашгаре...

Но Валиханов вспомнил о ходже, и слова Мусабая не дошли до его сознания.

На следующий день по долине реки Джаргалан караван спустился в Иссык-Кульскую котловину. На северном берегу Иссык-Куля, у реки Кара-Батпак, Мусабая и Валиханова поджидал казачий отряд, назначенный в охранение. Но, боясь, что присутствие вооруженных русских может навлечь подозрение, Валиханов послал нарочного к начальнику отряда с просьбой не подходить к каравану и следовать за ним на расстоянии под видом рекогносцировки местности.

Валиханов не дождался, пока караван выйдет к берегу Иссык-Куля. Пришпорив коня, он ускакал вперед и, свернув с дороги, поехал напрямик к озеру. Путь ему преградила дымчато-серая, с оранжевыми пятнами ягод стена «джирганака» — колючей облепихи, почти сплошным поясом окружавшей все озеро. Лишь кое-где среди облепихи виднелись зеленые, с гроздьями сизых ягод ветви

барбариса, да возвышались метельчатые стебли тростника... Валиханов спешил и, обходя мелкие болота — сазы, увязая в сыпучем белом песке, осторожно пробрался сквозь заросли. Неоглядная лазоревая ширь озера открылась перед ним. Валиханов смотрел и не знал, с чем сравнить неповторимые краски Иссык-Куля. С небесной синью?.. Нет. Небесная синева проще, грубее, весомей... Нежноголубые воды Иссык-Куля мерцали, струились, воспламенялись искрами и словно освещались изнутри, из темной глубины, серебристыми лучами таинственных светильников; озеро жило, вздрагивало, на мгновение хмурилось и снова светлело, как чуткий, на все реагирующий организм. Легкий бриз пригонял к отлогому песчаному берегу маленькие волночки, и они, опрокидываясь на песок, вспыхивали на изломе голубым огнем... А вдали, на противоположном берегу Иссык-Куля, смутно виднелись вершины Кунгей-Алатау, парящие над землей Сподобно темным облакам.

Валиханов присел на корточки, зачерпнул воду рукой и притронулся к ней губами: вода была сладковато-соленой, неприятной на вкус... Иссык-Куль, «теплое озеро», даже в самые сильные морозы не замерзает оно, а осенью, когда скатываются с заснеженных вершин ветры, разыгрываются

на Иссык-Куле штормы, должно быть такие же, как на море, которого еще никогда не видел Чокан Валиханов...

Медленно пробирался он обратно. Неожиданно с громким карканьем прынул из-под ног и скрылся, сверкнув на солнце фиолетовым пером, фазан-петух. Валиханов вздрогнул, засмеялся и, вскочив на коня, помчался вслед за караваном.

9 сентября, после ночевки на берегу реки Кызылсу, у подножья хребта Терсей-Алатау, караван вошел в Заукинское ущелье, ведущее на перевал, а отряд казаков повернул обратно. Последняя нить, связывавшая Валиханова с родиной, порвалась, и теперь он уже не мог надеяться ни на чью защиту.

Горы Терсей-Алатау, окаймляющие с юга котловину, на две-три тысячи метров возвышаются над уровнем Иссык-Куля, образуя массивную зубчатую стену, лишь кое-где в этой стене прорезаны ущелья, к которым Валиханов не спешил последовать за своими спутниками — словно никак не мог распрощаться с благодатной Иссык-Кульской котловиной, с ее редкими аулами и небольшими пашнями... Записывая в дневник вчерашние наблюдения, он сидел у реки, вдоль которой росли тополя; ветер запрокидывал листву, и наветренные края ее сверкали на солнце, подобно рыбьей чешуе. По обе стороны от реки, параллельно горам, тянулись ровные степные пространства, заросшие злаками, полынью; сухо было в Иссык-Кульской котловине — горные массивы притягивали облака, и они проливали влагу над их вершинами. Прислоненные к хребту, неширокие и сильно рассеченные безводными оврагами адыры (позднее они получают и другое, русское название — «прилавки») тоже заросли степными и полупустынными растениями — желтой

чилигой, колючими подушками акантолимона, редкими распластанными кустиками вишни, сизыми щетками эфедры со сладкими красными ягодами на безлистных ветках, могильной травой... И только значительно выше в горах, там, куда уже ушел караван, к самой реке спускались заросли шиповника, барбариса, рябины, иргая, а на серо-зеленых, цвета шинельного сукна, склонах появились стройные, похожие издали на кипарисы тянь-шанские ели...

Минувшим вечером Мусабай, пугая, рассказывал, что по ту сторону Терскей-Алатау находится суровая холодная пустыня — сырт. Лежат там вечные, нетаящие снега, круглый год морозы сковывают землю и в самый разгар лета случаются снежные бураны. Но самое страшное на сыртах — удушливый воздух, вызывающий болезнь тутек, от которой страдают и люди, и животные. Чтобы уберечься от нее, нужно соблюдать диету и есть как можно больше чеснока.

Рассказ этот менее всего мог смутить Валиханова — где проходили другие, пройдет и он; кроме того, на сыртах уже побывал Петр Петрович Семенов. Но представлялось Валиханову, что находятся сырты на огромной высоте, где из-за разреженности воздуха трудно приходится путникам.

Ночью из каравана пропала лошадь. Мусабай не без оснований заподозрил, что ее похитили пристроившиеся к каравану вместе с бием Джанетом киргизы, и отправил по следу слуг. Те настигли воров в лесу, у костра.

В завязавшейся схватке несколько воров было захвачено в плен, и в том числе брат Джанета. Джанет, сам занимавшийся барантой и имевший громкую разбойничью славу, сделал вид, что рассердился на брата, оставил его в караване, а сам поскакал в аул, обещав немедленно вернуть лошадь, на которой одному из воров удалось скрыться.

Через два дня вооруженная шайка Джанета, насчитывавшая около семидесяти человек, напала на караван.

Ружейные залпы заставили отступить барантачей, унося раненых. Первое нападение было успешно отбито, но все понимали, что это только начало, что впереди предстоят новые столкновения с падкими на чужое добро барантачами.

Выше лесного пояса, там, где тяньшанские ели сменились зарослями туркестанского можжевельника, по-местному арчи, удобная дорога по Заукинскому ущелью кончилась, и начался крутой сложный подъем по склону высотой более тысячи метров. Видневшиеся внизу, на дне ущелья, омытые дождями белые скелеты животных предвещали трудности.

Теперь совсем рядом виднелись ледники, сползавшие с вершин, снежные наддувы, карнизы, Караван ночевал на еще зеленеющем альпийском лугу, но морозное дыхание ледников заставляло тесниться к огню, кутаться в шубы.

Скот поили в маленьком озере - несколько десятилетий назад на его месте был ледник, но постепенно он отступил, и за высоким поперечным валом морены скопилась талая зеленоватая вода.

Утром небо помутнело, и в сером влажном воздухе медленно

закружились крупные мохнатые снежинки. Вьючные лошади и нагруженные кладью верблюды скользили по мокрым, потемневшим от тающего снега камням, и некоторые из них срывались и разбивались насмерть. При подъеме караван потерял пять верблюдов и двух лошадей...

Миновав Заукинский проход, Валиханов, обгоняя караван, выехал вперед и остановил коня. Он попал в другой, необычный и странный мир. Здесь не шумели горные реки и не возвышались скалистые пики. Широкая мягко увалистая равнина простиралась перед ним. Кое-где виднелись небольшие озера, уже затянутые по берегам льдом, тихие реки, изгибаясь между увалами, неспешно текли на восток. Но больше всего поразили Валиханова горы: они не выглядели здесь величественными, недоступными, вознесенными под самое небо. Они начинались тут же, и куполообразные вершины их казались не выше степных курганов. И ледники не сверкали в поднебесье, лишенные всякого великолепия, они выползали, распластавшись, на равнину и на мутно-белой поверхности их виднелись черные полосы и крапины от скальных обломков.

С вечера несколько раз принимался идти снег, но ночь

выдалась ясная, морозная. Закутавшись в лисью доху, Валиханов вышел из юрты. Скованный холодом, неподвижный мир лежал перед ним. Низкая, идеально круглая луна щедро светила с подернутого желтизной черного неба. Земля, каждый камень, каждая травинка были укутаны в густой иней, и лунный свет дробился, вспыхивал в кристалликах изморози тусклыми огоньками. Тени от холмов, густочерными пятнами разбросанные по серебристой равнине, казались бездонными провалами. Тишина стояла такая, что промерзший воздух мог захрустеть от движения... Лишь изредка нарушалась она всхрапыванием лошадей да мелодичным звоном колокольчика на шее барана-вожака; но и звон этот, едва начавшись, остывал и льдинками падал на землю... За ночь юрта внутри покрылась инеем, как зимой в родных Валиханову казахстанских степях..

Снялся караван в предрассветных сумерках. Мерзлая земля глухо позванивала под копытами, но к середине дня оттаяла, и глина липла к ногам, мешая идти. В полыньях на озерах купались в ледяной воде отважные утки-отайки, Валиханов не ощущал удушья из-за высоты, и только когда спрыгнул с коня и пошел пешком, почувствовал, что сердце с непривычки заколотилось гулко и тяжело, а в висках со звоном запульсировала кровь... Тихая, скованная равнине лежала на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря...

Нелегко дался каравану путь по сыртам, беспокойно было вокруг, Мусабай обнаружил след каравана, про-шедшего по сыртам двумя днями раньше. Караван шел ускоренным маршем, ночью не разводили огня... Кашгарцы, присоединившиеся к Мусабая и Валиханову, определили по трупам павшей лошади, что здесь прошли их товарищи, задержанные кокандскими солдатами.

В караване Мусабая отоштал, попортил ноги вьючный скот, и на каждой стоянке оставалось по несколько издохших животных. Десятками гибли бараны...

Теперь Валиханов ехал по тем местам, где до него не был ни один ученый — даже Петр Петрович Семенов не доходил сюда, и он невольно вспомнил о своем наставнике и коллеге, о прощении с ним в Омске. Давно уже живет Семенов в Петербурге, занимается важными государственными делами и едва ли подозревает, что вот именно сейчас, в этот день, в эту минуту, по тяньшанским сыртам, продолжая его дело, едет он, Чокан Валиханов...

Самые большие опасности подстерегали караван у Теректинского ущелья, на южной окраине Тянь-Шаня. Всего шестьдесят верст отделяли ущелье от первого китайского пикета, но около ущелья кочевал гроза караванов, барантач Атеке, киргиз из племени чон-багыш. По совету кашгарцев, Мусабай послал к кашгарскому аксакалу гонцов с просьбой выслать на помощь солдат.

Вооруженные киргизы появились сразу же, как только караван вступил в ущелье. Сначала они кружили поодаль, не рискуя приблизиться, а потом вступили в переговоры о выкупе за свободный проход. Вели они себя скромно, не грозили и взяли с каравана всего восемь штук красной кожи. Бывалый Мусабай диву давался, прищелкивал от удивления

языком и все никак не мог понять, чем вызвана робость киргизов...

В Теректинском ущелье караван догнал спускающееся в долины лето: дни стояли синие, теплые, зеленели кустарники вдоль реки, и не верилось, что всего сутки назад приходилось утром тщательно обтирать кошмой курчавые заиндевевшие спины лошадей.

У последнего перевала Кок-Кия, когда караван безопасно поднимался на седловину, сзади слышались громкие воинственные крики. Рассыпанная лавой толпа киргизов-всадников обогнала караван и заняла самую узкую часть прохода, преградив каравану дорогу. Это были те же самые киргизы под водительством барантача Атеке, которые так милостиво обошлись с караваном. Некоторые из них джигитовали в сотне метров от занявшего оборону каравана и выкрикивали угрозы, размахивая прямыми шашками (сапами) и копьями. Никто не мог понять, почему так резко изменилось их отношение, но выхода у Мусабая не было: миновать занятый киргизами проход караван не мог, одолеть многочисленную шайку — тоже.

При переговорах киргизы запросили с каравана огромный выкуп и ни на какие уступки не шли. Неизвестно, чем кончился бы затянувшийся спор, если бы вовремя не подоспел отряд кокандских сипаев, посланных из Кашгара аксакалом. И хотя их было всего пять человек, воспрянувшие духом караванщики перешли в наступление и в коротком бою разбили барантачей.

Захваченный в Плен киргиз объяснил причину странного поведения своих соплеменников: прошедший перед ними караван кашгарцев распустил слух, что сзади, следом за караваном Мусабая, идет отряд русских, насчитывающий до двухсот вооруженных всадников. Поэтому Атеке и вел себя так скромно, а аулы его даже откочевали с главной дороги в ущелья — от греха подальше. Лишь убедившись в обмане, Атеке помчался в погоню за караваном.

Предводитель сипаев, токсоба, вручил караван-баши письмо от аксакала и собственноручно надел на Мусабая, Валиханова и других приказчиков халаты, присланные в знак особой милости аксакалом.

От токсоба Валиханов узнал, что Кашгар снова находится под надежной защитой китайцев, а мятежный ходжа Валихан бежал за пределы Алтышара...

27 сентября караван пересек весьма условную в этих районах границу Китайской империи и подошел к первому пикету — маленькой крепости, обнесенной глиняной стеной с четырьмя башнями по углам.

Разбили лагерь. Ночью Валиханову не спалось. Ворочаясь на пахивающей конским потом кошме, он пытался представить, что ждет его в этой стране, и невольная тревога теснила грудь, гнала сон. Все трудности и опасности, перенесенные в пути, казались ему теперь пустяшными. А будущее... Если бы Валиханов в детстве лепил снежных баб, у него были бы все основания сравнивать свое путешествие с катящимся снежным комом; чем дальше он шел, тем больше

опасностей встречалось ему на пути... Валиханов кряхтел, почесывал узкую ГРУДЬ, и вдруг, будто бы совсем некстати, пришла мысль, что давно пора бы помыться в бане, пусть даже маленькой, протопленной по-черному, с полком над раскаленной каменкой, как во дворе у его омской хозяйки... Мысль эта рассмешила Валиханова и отвлекла от невеселых размышлений. Нет, не скоро ему придется продрать зудящее от грязи тело мыльной мочалкой, сменить грязную, тяжело пахнущую потом рубашку. В походе изнеженный, привыкший к иному укладу жизни штаб-ротмистр русской армии ничем не должен отличаться от своих спутников, живущих по дедовским степным законам и не меняющих нижних рубах до тех пор, пока они не сопреют на теле...

В сторожевом пикете не оказалось китайского офицера, на обязанностях которого лежало подсчитывать и записывать число людей, верблюдов и лошадей, проходящих по направлению на Кашгар. Долго ждали его, но потом китайский чиновник с золоченым шариком на шапке — бошко, получив взятку, разрешил каравану продолжать путь.

Опытный Мусабай допустил, однако, в пикете непростительный промах, последствия которого не замедлили сказаться: он не дал подарка толмачу, и оскорбленный в самых лучших чувствах переводчик послал о них в Кашгар ложные сведения; он назвал их татарами (а к татарам в Кашгаре относились подозрительно), указал, что к пикету вышло всего четырнадцать человек, а не пятьдесят семь, но что на самом деле их более сотни и все они вооружены винтовками.

Не подозревающий дурного караван спокойно шел к Кашгару, минуя невысокие глинистые гряды, кое-где поросшие колючей травой янтак, и, наконец, с одной из них Валиханов

увидел вдали синевато-зеленые кущи садов, окружающих предместья Кашгара...

ВЕСЕЛЫЙ ГОРОД

В Кашгаре донесение из пикета произвело переполох, По распоряжению властей город был объявлен на военном положении: на крепостных стенах выставили усиленную стражу, ночью по улицам разъезжали конные дозоры.

Желая, по возможности, предотвратить кровопролитие и спасти город от нового разграбления, правители решили послать на разведку к каравану, ставшему лагерем в двенадцати километрах от городских ворот, у гробницы Куфалла-ходжи, опытных чиновников... Оплаканные женами, как смертники, чиновники не очень-то спешили навстречу верной гибели.

В караване же не теряли времени даром: не дожидаясь встречи с властями, Мусабай с несколькими старыми караванщиками, ранее бывавшими в Кашгаре, поскакал в город «отдать салям» аксакалу. Аксакал Насырэддин сохранял полнейшее спокойствие — он сразу не поверил вздорным слухам и ласково встретил своего старого знакомого Мусабая, вместе с которым они в былые годы не раз пировали на веселых кашгарских празднествах —

машребах; он тотчас послал в караван закетчи — сборщика религиозной, в пользу Магомета, пошлины — и даже своего сына.

Следом за закетчи подъехал кашгарский чиновник из наиболее отважных; поговорив с Мусабаем и бегло осмотрев лагерь, он, не помня себя от радости, поскакал успокаивать город.

На другой день, покончив закет и отправив скот откармливаться на пастбища, караван пошел к Кашгару. Но не проехали они и половины пути, как их остановили важные чиновники, одетые по-китайски и на этот раз державшиеся с чувством величайшего достоинства. Один из них, облеченный наибольшей властью, Измаил-бек, распорядился развязать вьюки для осмотра. Близился вечер, и беки отложили осмотр до утра. За ужином, не поскупившись на подарки, Мусабай уговорил Измаил-бека допустить караван в город... По пыльной дороге, идущей между полями, засеянными джугарой и кормовой травой мусью, караван подходил к Кашгару; перешли по деревянному мосту через речку Тюмень. Валиханов ехал впереди, рядом с Мусабаем, а тот опять, как на перевале Сан-Таш, предался восхвалению Кашгара.

Гулять будем, вино пить будем, женщины будут, — чокая от восторга языком, говорил Мусабай. . Валиханов, памятуя о суровых мусульманских порядках, слушал Мусабая не без удивления, но сейчас он мог не доверяться рассказам — высокая городская стена с лёгкими решетчатыми башнями по углам уже виднелась впереди. Через некоторое время у Валиханова появится возможность все проверить самому. Он даже привставал на стременах, словно торопясь подглядеть городские тайны, но высокая стена скрывала и дома, и сады, и издали казалось, что за нею ничего нет.

До открытых ворот оставалось несколько сот метров, когда внимание Валиханова привлекла странная аллея из жердей, расставленных по обеим сторонам дороги. К каждой жерди

была прибита поперечная планка, а к планке подвешена клетка...

— Что это? — невольно вырвалось у Валиханова.

— Головы казненных повстанцев, сторонников ходжи, — ответил Мусабай и крутанул головой, как будто ворот просторного бухарского халата, подаренного аксакалом, неожиданно затянулся у него на шее. Валиханов инстинктивно повторил его движение и взялся рукой за горло, чувствуя, как трепетно бьется под большим пальцем тоненькая пульсирующая жилка. Валиханов проглотил слюну, и острый кадык его поднялся и тотчас опустился...

Страшен был путь каравана по аллее смерти. Клетки, подвешенные на тонких веревках, раскачивались под порывами ветра, и некуда было отвести глаза, чтобы не видеть сморщенных, уменьшившихся в размерах и потемневших от солнца голов... Сладковатый трупный запах,

примешиваясь к запахам пыли и конского навоза, заставлял Валиханова едва приметно морщиться...

Караван вступил в Кашгар в полдень 1 октября 1858 года, перейдя по мосту через ров и миновав тройные дощатые ворота. Валиханов увидел перед собой низкие плосковерхие дома из глины, обнесенные дувалами, над которыми покачивались пропыленные ветви фруктовых деревьев, и тесные грязные улицы. Улицы были настолько узкими, что только по одной из них, ведущей в центр, к базару, могла проехать двухколесная арба. На этой же центральной улице находились купеческие лавки, чайханы, цырюльни, караван-сарай. Кое-где с крыши на крышу были перекинута плетеные из чия цыновки — для тени.

Мусабай, Валиханов и их спутники остановились в сарае «Анджан».

Аксакал Насырэддин попрежнему покровительствовал каравану, но это только усиливало подозрительность китайских чиновников. Они внимательно просмотрели весь багаж и образцы товаров послали самому амбаню — китайскому правительственному чиновнику.

Один из высших чиновников, дорга-бек, несмотря на протесты аксакала, потребовал караван-баши к себе.

Валиханов, решивший, что ему лучше не таиться и сразу пройти через все испытания, пошел вместе с ним. Дорга-бек долго расспрашивал их о пути, о товарах, о цели приезда. Они ушли от него обеспокоенными, надеясь в душе, что допросы на этом кончатся. Но на следующий день их вызвали к самому амбаню, человеку умному и проницательному, и они поняли, что все предыдущие осмотры и допросы носили лишь характер предварительного следствия... Мусабай по-настоящему струсил, да и Валиханов чувствовал себя немногим лучше.

Наскоро оседлав лошадей, они последовали за беками,

Выехав из городских ворот, Мусабай и Валиханов увидели палатки, около которых стояли странные, похожие на виселицы сооружения. Их ввели в просторную палатку, в которой сидело четыре мандарина — два с красными шариками на шапках и два с синими. Те, что имели красные коралловые шарики, и были высшим начальством — один амбань, второй — хаким-бек. Сложив ладони и прижав руки к груди, но не рискуя поднять глаз, Мусабай и Валиханов приветствовали амбаня и хаким-бека. Амбань рассматривал их долго, пристально, и никто не мешал ему ни вопросом, ни движением. Палатка слегка покачивалась в глазах у Валиханова, и ему казалось, что он слышит, как тяжело падают на землю минуты...

Наконец, амбань сказал по-китайски: «Это не русские и не татары: аксакал сказал правду — они анджанцы». Лицо его утратило суровость, и он заговорил спокойно, приветливо. Караван-баши, справившись с волнением, удачно отвечал на вопросы, и на прощанье амбань пожелал им хорошей торговли.

После встречи с амбаном их перестали допрашивать, но и Валиханов, и Мусабай постоянно чувствовали, что тайный надзор за ними продолжается...

В ближайшие же дни Валиханов понял, почему Кашгар, так же как и другие города Малой Бухарин, пользуется такой громкой славой на Востоке...

Суровы законы ислама. Кораном запрещено пить вино, женщины изгнаны из общества, заперты в гаремах и не имеют права с открытым лицом показываться чужим мужчинам. За прелюбодеяние виновниц до смерти избивают камнями... В Бухаре, в Коканде после призыва к молитве полиция загоняет всех в мечети. По улицам ходят особые духовные чиновники, за которыми слуги носят палки. Эти чиновники имеют право остановить любого прохожего и проверить, знает ли он Коран, а в случае ошибки тут же, на улице, наказать палками...

Иное дело Кашгария, этот своеобразный оазис в мусульманском мире. Никто не загоняет здесь правоверных в мечети, повсюду открыто продается вино, гашиш, кокнар, опиум, а женщины пользуются полной свободой: участвуют на пиршествах вместе с мужчинами, а при желании могут, ничего не опасаясь, развестись с надоевшим супругом.

Именно поэтому крайне редки в Кашгарии случаи многоженства, столь характерного для остальных мусульманских стран: кашгарские женщины не терпят в собственном доме соперниц.

Существует в Кашгарии строгий, освященный вековой традицией обычай: каждый иностранец, приехавший в город, обязан временно жениться на чаукен — молодой женщине, специально предназначенной для этих целей.

Иностранцу нужно только сходить на базар, куда в ожидании нового мужа сходятся свободные чаукен, и выбрать себе временную подругу по вкусу. Условия этих браков несложны: без всяких проволочек вас обвенчают по всем правилам шариата, а при отъезде — разведут, и требуется от мужа только кормить и одевать жену...

Приученный к совершенно иным житейским правилам, Валиханов очень удивился, когда Мусабай сказал, что им надо идти жениться. Валиханов попробовал отшутиться, но Мусабай сразу посерьезнел — не подчиниться обычаю значило выдать себя.

Валиханов вспомнил омских красавиц, которым в доме Гутковского декламировал стихи Полонского и Майкова, и захохотал. Вот так история!.. Нет, он никого не любил, никому не давал клятв верности, но он и не помышлял о женитьбе, даже временной!.. Положение, в которое он попал,

представлялось ему теперь в высшей степени комическим. И так, если сейчас, когда он, надев бухарский халат и повязав голову чалмой, выйдет на улицу и его спросят, куда он идет, он небрежно ответит — на базар, за женой... Еще раз Валиханов мысленно перенесся в Омск, в кружок товарищей-офицеров — то-то посмеются они, когда он расскажет им об этом пикантном приключении!

Мусабай ждал, лукаво поглядывая на Валиханова. Он, как видно, определенно решил не откладывать свадьбу.

Они пошли в центр города, на базарную площадь «чарсу», что расположена как раз рядом с регистаном — соборной мечетью. Скрипели арбы, в воздухе вилась золотистая пыль, поднятая сотнями ног, трубно орали ишаки, ржали кони, блеяли овцы, назойливо жужжали тучи сытых базарных мух, пестрела, двигалась, шумела многоязычная толпа... Каких только товаров не вынесли купцы и как они расхваливали их, как настойчиво зазывали покупателей!..

Пахло горячей пылью, острыми соусами, сырым мясом (ободранные туши баранов, почерневшие от несметного количества мух, висели повсюду), конским и овечьим навозом, кислым урюком...

Мусабай уверенно прокладывал дорогу в ту часть базара, где, по его расчетам, коротали время чаукен; взвинченный, испытывая любопытство и смущение, Валиханов покорно тащился следом, не без робости выглядывая из-за широкой спины караван-баши...

И они увидели чаукен, одетых в шелковые плащи с золотыми лентами; длинные белые чадры были откинута, и лица их оставались открытыми. Без тени смущения осматривали они проходящих мимо мужчин, переговаривались, смеялись им вслед...

Потом Валиханову казалось, что все произошло без его участия: просто он увидел перед собой милое, чуть тронутое

оспинками лицо и уловил запах косметического конопляного масла и чеснока, которым кашгарцы сдабривают пищу; косо прорезанные жгуче черные глаза смотрели на него не без лукавства, но с ласковой покорностью; чаукен что-то говорила, и меж розовых губ ее поблескивали ровные белые зубки...

Вечером караван-баши устроил машреб для многочисленных знакомых и родственников. Присутствовали на машребе и родичи Алимбая — они не заподозрили подвоха и приняли Валиханова как своего, престарелая бабка даже прислала ему подарок... Гости — и мужчины, и женщины — сидели на красочных коврах, сотканных из шерсти тонкорунных овец, выращенных на высокогорных пастбищах Кунь-Луны, ели жирный плов с бараниной, изюмом, морковью и умач — кукурузный кисель с урюком, пили вино, бузу, слушали мелодичную, но монотонную музыку, под которую плясали гибкие и стройные танцовщицы «ага», а потом и все гости...

А когда гости ушли и Валиханов остался один на один с чаукен, он снова превратился в казаха-офицера, воспитанного в иной среде, с иными, далекими от местных, понятиями о чести, любви,..

И восемнадцатилетняя чеукен, первый раз вышедшая замуж
шесть лет назад, с любопытством приглядывалась к этому
молодому стройному аиджанцу — своему новому мужу...